

ДІАХРОНІЧНА ФОНОЛОГІЯ

Поленова Г.

– доктор филологических наук, профессор кафедры немецкого языка Таганрогского государственного педагогического института им. А. П. Чехова

УДК 800.2

ПРАГМАТИКА ПЕРВИЧНЫХ СЛОВ В ЯЗЫКЕ (к постановке проблемы)

Цель статьи – представить на примере архаичных данных енисейских языков и мифологического мышления кетов, единственных носителей енисейского кетского языка, вероятные форму и прагматическое значение первичных слов языка.

Основываясь на анализе данных, прежде всего, кетского языка, автор считает возможным, что первобытные люди пользовались первоначально однофонемными гласными звуками для определения степени близости денотата, добавляя в препозиции или в постпозиции согласные звуки, которые выражали класс объекта речи.

Эти первоначальные корневые указательные слова-дейксисы уточняли местонахождение предмета по отношению к говорящему (гласный элемент), а о классе предмета сигнализировал согласный звук, т. е. эти слова имели структуру CV или VC в метатезе.

Ключевые слова: прагматика, кетский язык, типология, действительные слова.

Поленова Г.

– доктор філологічних наук, професор кафедри німецької мови Таганрогського державного педагогічного інституту ім. А. П. Чехова

ПРАГМАТИКА ПЕРВИННИХ СЛІВ У МОВІ (до постановки проблеми)

Мета статті – представити на прикладі архаїчних даних енісейських мов і міфологічного мислення кетів, єдиних носіїв енісейської кетської мови, імовірні форму та прагматичне значення первинних слів мови.

Грунтуючись на аналізі даних, переважно, кетської мови, автор вважає можливим, що первісні люди користувалися спочатку однофонемними голосними звуками для визначення ступеня близькості денотату, додаючи в препозиції або в постпозиції приголосні звуки, які виражали клас об'єкта мовлення.

Ці первинні кореневі вказівні слова-дейксисы уточнювали місцезнаходження предмету щодо мовця (голосний елемент), а про клас предмету сигналізував приголосний звук, тобто ці слова мали структуру CV чи VC у метатезі.

Ключові слова: прагматика, кетська мова, типологія, дійктичні слова.

Polenova G.

– Doctor of Philology, Professor of the Chair of German Language of
Taganrog State Teachers' Training University named after A. P.
Chekhov

THE GRAMMAR OF THE PRIMARY WORDS IN THE LANGUAGE (to the problem issue)

The purpose of the article is to submit on the base of archaic data from the Yenisei languages and on the mythological thinking of Kets, the only carriers of the Yenisei Ket, the likely form and pragmatic meaning of the primary language words.

The main research method is the diachronic reconstruction based on the content language typology. The descriptive method is actively used also, as well as the structural and the semantic analysis, the comparative-historical method.

Based on the data analysis, Ket first of all, the author considers it to be possible that primitive people used initially one-phonem vowel sounds to determine the degree of closeness of referents by adding in preposition or postposition consonant sounds that expressed the class of the speech object.

The presence of several indicators for the same class proves that a variety of the semantic groups, characterized by another set of differentiating signs, coincided historically in the modern gender - masculine, feminine and inanimate.

Key words: pragmatics, Ket, typology, deictic words.

В каждом языке
существуют архаические
явления, позволяющие
реконструировать его
доисторические черты
[1, с. 169].

Постановка проблемы. Прагмалингвистика вышла из прагматики, и для цели этой статьи последняя больше подходит, поскольку речь пойдёт о применении и формировании речи древних людей. Свои выводы мы будем строить на материале одного из самых архаичных языков – кетского, сохранившего, на наш взгляд, черты нескольких этапов в развитии языка в целом, а также на примерах развития детской речи.

Прагматика (от греч. *pragma* – дело, действие) изучает функционирование языковых знаков в речи **говорящих**. Мы выделяем последнее слово, т.к. прагмалингвистика может заниматься исследованием всевозможных речей, вплоть до анализа целых романов, представляющих речевой портрет того или иного автора. Мы же имеем здесь в виду речь как конкретное говорение.

Анализ последних исследований. Из комплекса вопросов, связанных с говорящим субъектом, адресатом, их взаимодействием в коммуникации, ситуацией общения, приведённых Н. Д. Арутюновой в Лингвистическом словаре, мы останавливаемся

только на референции говорящего, т. е. на отнесении языковых выражений к предметам действительности [2, с. 389–390].

В своём учебном пособии «Теория языкознания» В. А. Гречко посвящает специальный параграф первобытному языку [3, с. 360–366]. Свои предположения относительно характера этого языка он строит на том, что должно было присутствовать в первоначальных актах речи психологически и лингвистически. При этом В. А. Гречко характеризует эти акты как неинстинктивные, общие, но намеренные и индивидуальные, «одновременно рассчитанные на понимание другими участниками речевого общения» [там же, с. 360]. Присоединяясь к мнению, что единицей общения было слово-предложение, соответствующее современным простейшим предложениям типа: «*Пожар!*», В. А. Гречко полагает, что субъектом «выступал сам обозначаемый предмет, предидицируемый актуальным его названием-указанием (выделено нами – Г. П.) в виде данного слова-предложения» [там же, с. 361].

Сошлёмся ещё на А. А. Потебню относительно характеристики речи: «Речь нераздельна с пониманием, и говорящий, чувствуя, что слово принадлежит ему, в то же время предполагает, что слово и представление не составляют исключительной, личной его принадлежности, потому что понятное говорящему принадлежит следовательно и этому последнему» [4, с. 142].

Цель статьи – представить на примере архаичных данных енисейских языков и мифологического мышления кетов, единственных носителей енисейского кетского языка, вероятные форму и прагматическое значение первичных слов языка.

Материалом служат енисейские языки, прежде всего, кетский язык. Енисейские языки – группа языков, вплоть до XIX в. распространенная в Сибири вдоль Енисея. Из живых языков этой группы остался только кетский язык, на котором говорят пожилые кеты, проживающие в нескольких поселках Туруханского района Красноярского края. Енисейские языки хранят в своём строе следы разных эпох развития языка в целом. Мифологическая модель мира енисейцев восходит к верхнему палеолиту (более 30 тысяч лет до нашей эры).

Языковая система – это одна из когнитивных систем. Язык вырастает из не-языка, и предпосылкой его возникновения должны служить когнитивные структуры, относительно независимые от языка и предшествующие ему. Природа и онтологический статус явления могут быть выявлены лишь с учетом его генезиса.

В каждом языке сохранились реликтовые явления, трудно объяснимые или совсем непонятные в рамках структуры современного состояния того или иного языка. Такие явления

причисляются нормативной грамматикой к исключениям. И именно эти исключения при нашем подходе проливают свет на «доисторическое» прошлое языка, особенно, если учесть, что енисейцы-кеты представляют собой последний островок некогда могучего этноса динлинов-ровесников хунну.

Методы реконструкции предполагают выявление элементов более древней системы внутри данного языка (кетского, немецкого) – внутренняя реконструкция; сравнение с другими языками – внешняя реконструкция. Благодаря работам В. М. Иллича-Свитыча и его последователей стало возможным практически неограниченное углубление реконструкции и создание универсальной диахронической семантической типологии языков, об актуальности которой так хорошо сказал Вяч. Всев. Иванов в своей книге «Лингвистика третьего тысячелетия. Вопросы к будущему», вышедшей в издательстве «Языки славянской культуры» в 2004 году.

Кетский язык, как и енисейские языки в целом, относится к языкам номинативной типологии, а значит его «доисторические черты» следует искать в типологии предшествующих этапов развития языка, т. е. в нейтральной, классной, активной и эргативной типологии, по Г. А. Климову [5, с. 291].

Для первой из них характерна недифференцированность имени и глагола, ср.: выводы М. М. Гухман: «До оформления глагола не было, собственно говоря, и имени в нашем понимании слова, т. е. отдельной части речи с характеризующими её грамматическими категориями, но одна и та же единица речи выступала то с функцией будущего имени, то с функцией будущего глагола» [6, с. 103]. В своё время мы привели подробную подборку языков, на материале которых подтверждается эта «недифференцированность» [7, с. 9–13].

Мы реконструируем первобытное состояние енисейского праязыка / енисейской праречи, исходя из современного речевого материала носителей кетского языка, зафиксированного фонетически кетологами, включая автора данной статьи.

В кетском языке (единственном живом енисейском языке) одни и те же основы, снабженные соответствующими грамматическими показателями, выступают то в роли имени существительного, то в роли глагола. Личные формы кетского глагола могут принимать падежные аффиксы существительного. В то же время в позиции сказуемого лично-предикативными показателями оформляются инфинитивы, прилагательные, наречия места, имена существительные в местном падеже и местоимения в этом же падеже. Например: *at qus'kejdi* 'я в чуме' (*qus'* 'чум'; *-kej* – показатель

местного падежа; *-di* – предикативный показатель); *kidagejdi* 'я в этом (чуме) – [*kida* – указательное местоимение; *-gej* – показатель местного падежа; *-di* – предикативный показатель]; *at dijak* 'я иду' (глагол: *di* – личный показатель первого лица); *at axtadi* 'я хороший (*axta* 'хороший'; *-di* – предикативный показатель 1-го лица) и т. п. Своеобразие кетского инфинитива проявляется в том, что он может иметь форму единственного и множественного числа и склоняться. Например: *at adengdinal' dontəl i adboɣoldi* 'я из-за пота замерз и заболел' (*aden* 'потеть', *-dinal'* – формант исходного падежа).

Все, что здесь сказано о кетском языке, в полной мере относится и к югскому, и к коттскому. Так, в коттском языке М. А. Кастрен приводит примеры предикативного оформления имен существительных: *apištaŋ* 'я старец', *apiču* 'ты старец', *apištu* 'он старец', ср.: *dataŋ* 'я лежу' [8, с. 130, 142].

Глагол, таким образом, можно вычленить в енисейских языках только по расположению формантов в словоформе и по наличию выразителей чисто глагольных категорий. Хотя есть примеры использования даже личных форм глагола в атрибутивной функции, ср.: *du:btəŋ keʔt* 'человек, который это потащит' – *keʔt du:btəŋ* 'человек это потащит'. Сравним наш пример, записанный от Т. М. Коротких: *itel'am ket itel'am* 'знающий человек знает'; *bən' oɣot ket bən' oɣot* 'неидущий человек не идет'.

Генетическое единство грамматических показателей имени и глагола достаточно демонстрирует их сравнение в кетском языке (см. таблицы № 1, 2). Субъектно-объектные показатели глагола в кетском языке впервые разделил на классы (группы) **B** и **D** Карл Боуда – по формантам 1-го лица единственного числа [9, с. 98].

Таблица № 1

Показатели родительного падежа личных местоимений, притяжательных префиксов имен и глагольных показателей группы В в единственном числе

Лицо	Родит. падеж личных местоим.	Притяжат. префиксы	Показатели глагола группы В			
			1 ряд	2 ряд	3 ряд	4 ряд
1-е	*a-ba	b-	ba-	ba-	bo-	bo-
2-е	*u-ku	k-	ku-	ku-	ku-	ku-
3-е м.	bu-d-a	da-	-a-	bu-	bu-	-o-
ж.	bu-d-i	d (t)-	-i-	bu-	bu-	-u-
вещ.	-	d (t)-	-i/ø-	ø	ø	-u-

Таблиця № 2

Предикативные показатели имени и глагольные личные показатели группы D в единственном числе

Лицо	Предикативные показатели	Показатели группы D (префиксы)
1-е	-di	di-/d-/t-
2-е	-ku (-gu)	ku-/k-
3-е м.	-du	du-/t-
3-е ж.	-da	Də-/da-
3-е вещ.	-em/ -am югск. -e/a	də-/da-

Приведенные таблицы наглядно демонстрируют почти полную идентичность именных и глагольных морфем. В первом и втором лице единственного числа совпадают показатели родительного падежа личных местоимений, притяжательных префиксов имен и глагольных показателей группы **B** (см. таблицу № 1). Ср.: *a:ba ki:m* 'моя жена'; *bor* 'мой отец'; *ba-yissal* 'я переночую'; *kor* 'твой отец'; *uk se:l'* 'твой олень'; *ku-t-uŋ* 'тебя-видит'; *ku-yissal* 'ты-переночуешь'. Примеры по таблице № 2 см. выше (1-е лицо).

Суффикс **-em/-am** (югск. **-e**) является предикативным показателем прежде всего имен прилагательных, согласуемых с субъектом вещного класса. Но в кетском языке имеется целый ряд слов, функционально являющихся глаголами, с тем же суффиксом. Ср.: кет. *at itpedam* 'я знаю', *u itkum* 'ты знаешь', *bu itelam* 'он знает', *bu daitlam* 'она знает'. Или: *s'es' todam* 'речка мелка', *di tajam* 'жить можно', *aks' banŋ u:s'am* 'что у меня есть', югск. *kan' u:s' i:s'* 'там есть рыба', кет. *unam* 'скользко', *tik toram* 'снег мелкий', *at kainam* 'я беру'; *at bənas kainam* 'я ничего не взяла'; *bu s'el to:lam* 'она, он плохо видел(а)'; *but qumnam* 'он женился (женат)'; *ad tet'nam* 'я вышла замуж'. Приведем пример прилагательного с личными предикативными показателями и непереходный глагол с идентичными субъектными показателями:

<i>at axtadi</i> 'я добр'	<i>at ditoot</i> 'я сплю'
<i>u axtaku</i> 'ты добр'	<i>u kutoot</i> 'ты спишь'
<i>bu axtadu</i> 'он добр'	<i>bu dutoot</i> 'он спит'
<i>bu axtada</i> 'она добрая'	<i>bu datoit</i> 'она спит'

Ср.: *tes' nada beda* 'пимы надо делать' – Бакланиха, 1989.

Разница, как видим, только в позиции показателей в словоформе.

Кетский инфинитив может употребляться в функции определения, и лично-объектное отношение действия часто

выражается посредством посессивных аффиксов, ср.:

<i>am əl'ab</i> 'меня выгнать'	<i>ab op</i> 'мой отец'
<i>uk əl'uk</i> 'тебя выгнать'	<i>uk op</i> 'твой отец'
<i>bu əl'eda</i> 'его выгнать'	<i>buda op</i> 'его отец'
<i>bu əl'ed</i> 'ее выгнать'	<i>bud op</i> 'ее отец'

Как и подлинное прилагательное, инфинитив имеет предикативную и атрибутивную формы. По С. Д. Кацнельсону, «в речемыслительном плане фундаментальное значение для грамматической классификации слов имеет противоположение предметных и призначных значений» [10, с. 133]. Енисейские языки как раз подтверждают этот вывод.

В предикативной функции к форме инфинитива приращивается в конце аффикс *-s'i*, мн. ч. *-s'in*. Например: *kide aŋa ho:s'* (*ho:s'i*) 'эта веревка крученая' (*ho:* 'плести'). Ср.: прилагательные: *tuoms'i* 'черный', *aets'i* 'грубый', *s'ul'ems'i* 'красный'; *l'ams'i* 'плоский' (*l'am* 'доска'), югск. *s'is'i* 'ночной' (*s'i* 'ночь'); *inams'i* 'давнишний' (*inam* 'давно'), *kis'aŋs'i* 'здешний' (*kis'aŋ* 'здесь').

О былом синкретизме енисейских имени и глагола свидетельствует и то обстоятельство, что привычная для флективных языков дифференциация парадигмы склонения имени и спряжения глагола отсутствует в кетском и югском языках. Все падежные аффиксы имени можно присоединить к любым личным и неличным формам глагола. Например: *ki[?]t kajboŋos' s'enin[?]dit* 'я плату возьму за то, что буду шаманить'; *bu dokŋabet reubinoŋot[?]dina[?]l'* 'он падает от своей усталости' и *am[?]dit* 'для матери', *am[?]dina[?]l'* 'от матери'. Формант *es'aŋ*, имеющий целевое значение, может присоединяться как к имени, так и к глаголу, например: *tad'es'aŋ* 'чтобы побить' и *at lapkadiŋa nan'es'aŋ boŋon* 'я пошел в магазин за хлебом'. Основы *tad'* 'бить' и *nan'* 'хлеб' следует считать соответственно инфинитивом глагола и именем существительным, но так можно думать только на семантическом уровне, морфологически же инфинитив не оформлен и ничем не отличается от имени.

В общенисейском языке, таким образом, от одного и того же корня могли быть образованы имя и глагол, что можно считать пережитком эпохи, предшествовавшей дифференциации глагола и имени. Как, например, кет.: *kot* 'плакать, плачь!'; *dəs'* 'ругаться, ругань, драка'; *il'* 'петь', 'песня', 'певчий' (*i[?]l'* 'душа, дыхание'); *duŋ, du[?], do:* 'кричать, крик'.

Основным типом связи между словами было примыкание, а главным грамматическим средством – порядок слов. ср.: *tud oŋon kajket uska dimbes* 'этот ушедший охотник назад вернулся' и *tud kajket oŋon* 'этот охотник ушёл'. Одна и та же словоформа *oŋon*

выполняет разные функции, в зависимости от порядка слов.

Анна Яковлевна Кусамина на нашу просьбу привести парадигму глагола 'нравиться' дала формы: 'хороший' + личные предикативные показатели: *ad budaja aktadi* 'я ему нравлюсь', *bu abaja aktada* 'она мне нравится'.

Таким образом, в енисейских языках синкретизм имени и глагола, выявленный в большинстве древних языков, обнаруживается совершенно четко. В них и ныне основным типом связи между словами является примыкание, а главным грамматическим средством – порядок слов. Енисейский материал подтверждает, что категория предиката возникла до расчленения единого ранее слова на имя и глагол.

В кетском языке имеется ряд глаголов, формы которых имеют двухсложную структуру. Например, глагол «говорить». Этот глагол сопровождает прямую или косвенную речь и может соответствовать глаголам 'сказать, говорить, полагать, думать, считать, приказывать, просить, спрашивать, ругать, побуждать и т. п.', см. примеры Г. К. Вернера [11, с. 169].

mana 'я (женщина) говорю'

nima 'я (мужчина) говорю'

kuma 'ты говоришь'

mana 'она говорит'

numa 'он говорит'

bada 'он говорит' (как нам кажется – более поздняя форма)

guma! 'говори!'

Форма императива совпадает с формой 2-го лица.

Супплетивные глаголы, совсем не имеющие категории лица: *has'a* 'я режу' / *hal'a* 'я резал'; *s'i* 'я ем' / *sil'a* 'я ел', *diba* 'я ем' / *bil'a* 'я ел', в то же время: югск. *š'i:jdi* 'я ем', *š'i:jku* 'ты ешь', *š'i:jda* 'он ест', *š'ijdu* 'она ест'.

Приведём другие супплетивные глаголы: *dibo*² 'я заплетаю' / *binu*: 'я, ты, он плел' – *ana!* 'заплети!'; *ul'ba* 'вымокнет' – *ulimna* 'вымокло'; *kabi* 'скоблю' – *komni* 'скоблил'; *nami* 'отгребаю' – *nomli* 'отгреб'; *kaja* 'резнет' – *kona* 'резнул'; *ses'ta* 'сизжу'; *has'ti* 'буду кроить', *bo²q uksi*: 'огонь гаснет' – *il'i* 'погас'; *itpadam* 'я знаю'; *us'am* 'есть, имеется'; *de:s'i* 'я кричу' – *at ke:s'i* 'не реви!' (так же 2-е лицо).

Глагол «становиться» состоит из двух бывших дейктических частиц, ср.:

dija 'я стану'

din'a 'я стал'

kuja 'ты станешь'

kun'a 'ты стал'

duja 'он станет'

dun'a 'он стал'

dəja 'она станет'

Ср.: *at diba, u kuba, bu duba, bu dəba* 'я плету, ты плетешь, он плетет, она плетет (веревку)'.
Ср.: **имена**: *oγas'a* 'прежний', *tajam* 'холодно', *bo[?]ls'i* 'толстый', *kas'ada* 'беременная' – *byl'da kas'am* 'была беременная', *abaŋa axtam* 'мне нравится' и **глаголы**: *ad us'am* 'я есть, существую', *dul's'a* 'я мокну' – *dul'na* 'я вымок, подмок' – императив *ul'na!* 'промокни!'; *dus'am* 'отдохну, отдыхаю' – *duul'am* 'я отдыхал', *uul'gam!* 'отдыхай!'

Мы сгруппировали форманты, служащие как для слово- так и формообразования имени и глагола. Двухфонемные элементы: *bi-bu-ba/bo, ib-ub-ab/*ob, di-du-da/*do, id-ud-ad/*od, ti-tu-ta/*to, ji-ju-ja/jo, ij-uj-aj/oj; *iŋ-*uŋ -aŋ/oŋ, *im-*um-am/om; i-ku-ka/*ko, il'-ul'-al'/ol', ni-*nu-na/no, in-*un-an/on, l'i-*l'u-l'a/*l'o, s'i-*s'u-s'a/*s'o, mi-*mu-ma/*mo, ŋi-ŋu-ŋa/ŋo, is'-us'-as'/*os', gi-gu-ga/*go*. Ср.: форманты, приведённые Т. А. Кабановой: ат, ак, аб, ай, ас, ка, да, та; ес, си, ет, енг, ек, де; ок, от, то, ко, об; иб, ит, ис', с'и, ии, ин, ик; ут, ус, ул, ун, ук, унг, уб, ут; дак, бак, бок, бек, сиб, кот, тет, бет, кет. Они отражают, как она пишет, «процесс мыслителя как состоящий из сегментов, концептуализирующих время, пространственную ориентацию и волевое распределение энергии в грамматических формах однократности процесса, многократности, фазовости, воздействия извне, пассивности, активности, состояния субъекта / объекта, рефлексивизации» [12, с. 79].

Однофонемные, представленные в таблицах и примерах показатели: *i-u-a/o* (вокалические); *b, g, k, d, t, m, p, ŋ, s', j, n, l', r', q/γ~x* (консонантные). В коттском и югском языках кетский звук [s] представлен звуком [š].

Строй енисейских языков должен восходить к архаичной структуре классифицирующего языка, в котором вместо личных глагольных показателей функционировали классные – аффиксы [ср.: 13, с. 20–21], которые служили, согласно нашим выводам, целям как слово- так и формообразования. Кетский язык довольно прозрачно демонстрирует связь грамматических элементов со словообразовательными. Так, личные, притяжательные, вопросительные и указательные местоимения представляют собой сочетания приведенных нами компонентов. Ср.: *ad* 'я', *ab* 'мой', *u* 'ты', *uk* 'твой', *bu* 'он, она', *buda* 'его', *budi* 'ее', *ət* 'мы', *ətna* 'наш', *ək* 'вы', *əkŋa* 'ваш', *buŋ* 'они', *buŋna* 'их', *ana?* 'кто?' (о человеке вообще), *bis's'e?* 'кто?' (о мужчине), *bes'e?* 'кто?' (о женщине); кет. *as'?* 'что?', югск. *assa?* 'что?'; кет. *anda?* (мужской класс) 'чей?', *andi?* (женский класс) 'чей?', *as'is'?* 'какой?', *bil'a?* 'как?'; *ki* 'этот', *tu* 'тот' (недалеко), *qa* 'тот' (далеко). Это примеры словообразования,

ср.: выше примеры формообразования.

Мы предполагаем наличие в праенисейском множества частиц с классно-локальным значением, а именно всех приведенных выше частиц, если учесть, что человеческая речь на ранней стадии ее развития стремилась выразить любое отношение в терминах места и пространства [14, с. 262 и сл.]. Локальными уточнителями были гласные: *i/e-u-a/o*. Ср.: современные кетские указательные местоимения (см. выше) и коттские: *in'u* 'этот', *in'a* 'эта', *ujo* 'тот', *un'a* 'та'. А согласные элементы отражали классность. Неудивительно, что классов было много, т. к. древние енисейцы поляризовали явления и объекты окружающей действительности. Примерно так:

на сверхестественном уровне – божества и духи, добрые и злые, мужского пола и женского, действующие и бездействующие;

в человеческой среде – свой / чужой, опасный / неопасный, почитаемый / нейтральный / отверженный, большой / малый, мужской / женский, единичный / неединичный, присутствующий / отсутствующий, действующий / бездействующий, участвующий / неучаствующий и пр.;

в животном мире – большой / малый, важный / неважный, опасный / безо-пасный, мужской / женский, единичный / неединичный, действующий / бездействующий, присутствующий / отсутствующий, полезный / нейтральный / вредный и т. д.;

в растительном мире – большой / малый, мужской / женский, полезный / нейтральный / вредный и т. п.

Неживая природа воспринимается и сейчас как инертная масса, не имеющая поляризации.

И, наконец, поляризация пространственно-временной ориентации выглядит так: близкий / далёкий, высоко / низко, здешний / нездешний, видимый / невидимый, настоящий / прошлый, дневной / ночной, летний / нелетний и т. д. Ср.: *qajdaŋa* 'к лосю' (муж. кл.) – *qajdiŋa* 'к лосю' (жен. кл.); *qok is'* 'одна рыба' (живая) – *qus is'* 'одна рыба' (неживая); *qok oks'* 'одно дерево' (живое) – *qus oks'* 'одна дровина'; *aqnaŋa* 'к деревьям' – *aqdiŋa* 'к дровинам'.

Современные данные енисейских языков позволяют судить о том, что основной оппозицией в классной принадлежности того или иного слова-понятия является не мужской / женский, а социально значимый, активный / социально малозначимый, пассивный. «Различия пола проникли, по-видимому, в именную классификацию в результате позднейшей 'рационализации', частичного переосмысления более древнего деления предметов на активные и пассивные» [10, с. 26].

Реликтовыми показателями этой оппозиции можно считать

b/m : t/d. Ср.: *ba:t* 'старик' – *bam* 'старуха', *boŋot* 'покойник' – *boŋom* 'покойница', *bəs'l'iyit* 'вдовец' – *bəsssam* 'вдова'.

В составе личных показателей группы **B** имеются только два классных показателя:

- для класса мужчин (скорее для класса социально значимого) – **a, o**;
- для класса женщин и вещей – **i, u** (класс социально малозначимого).

В коттском языке отмечены классифицирующие строевые элементы **al-**, **il-**, восходящие, как предполагает Г. К. Вернер [11, с. 18], к древней именной классификации.

В кетском языке имеются **глагольные дуплеты**, относящиеся к разным субъектам в зависимости от того, одушевлённые они или нет, например: кет. *ke²t dune* 'человек стоит' / *qim dən'e* 'женщина стоит', но: *l'a²m ujbaRot* 'стол стоит'.

Глагол, управляющий соответствующим именем существительным, определяет не только его класс и пол, он определяет даже и то, происходит ли тот или иной процесс с целостным организмом или с его частью, например: *i:s' dutə:l'* 'рыба (целая) мерзнет (он)'; *i:s' bimtəl'* 'кусочек рыбы мерзнет (это)'.

Интересны примеры с глаголом «случаться, происходить»: *ugis' an' bimnä?* – *toŋas' kovynGo* 'С твоей (ногой) что случилось? – Топором рубнул'. Если вопросительное предложение относится к классам живых существ, то в этом случае выступают личные формы глагола: *di:jä/di:nä* (вместо *bimnä* – словоформы класса вещей): *tiv an' dun'dä?* – *tilatyŋvät* 'С собакой что случилось? – Болеет судорогой'.

Но классные аффиксы получал не только глагол, но и имя, которые были синкретичны при нейтральном строе, а при классном строе грамматический класс отдельного слова определялся синтаксическим контекстом. Появилась лексическая дифференциация первичных основ, часть которых приобрела наречно-указательно-именной характер. Эти первоначальные корневые указательные слова-дейксисы уточняли местонахождение предмета по отношению к говорящему (гласный элемент), а о классе предмета сигнализировал согласный звук, т. е. эти слова имели структуру **CV** или **VC** в метатезе. Основными гласными, несущими дейктическое значение, являлись: **a/o** 'тот' (указание на отдалённый предмет), **i/e** 'этот' (указание на ближайший предмет) и **u** – дейксис широкого плана 'этот / тот', 'не-я' [15]. В связи с теорией эволюции языка на примере развития детской речи интересно привести наше наблюдение за годовалым ребёнком в автобусе на

руках матери. Он тыкал пальчиком в рядом стоящего постороннего и говорил: «*u, u, u*».

Сравним современные енисейские указательные местоимения:

кет. *ki* 'этот' (близкий, видимый) – указание на сферу говорящего (Ich-Deixis). Ср.: коттское личное местоимение 1-го лица *ai* 'я';

кет. *tu* 'тот, этот' (подальше, известный или упомянутый – общее указание (Der – Deixis). Ср.: кетское личное местоимение 2-го лица *u* 'ты';

кет. *qa* 'тот' (подальше) – указание на удаленность от говорящего или указание на сферу 'тот' (Jener – Deixis).

Гласные *a/o*, *i/e*, *u* выступали в праязыке, как мы полагаем, в виде самостоятельных полисемичных основ. Одним из их значений было значение лица говорящего и лица собеседника: **a* 'я', *u* 'ты', ср.: котт. *au* 'ты'.

Звук 'а' выражал не только дальность нахождения предмета, но и все значительное, важное, большое (ср.: кет. *ka* 'большой'); активное. В то же время звук 'i' обозначал наряду с близостью к говорящему также малое, слабое, пассивное.

Исходя из особенностей формообразования енисейских языков, А. П. Дульзон восстановил древнейшую форму личного местоимения 1-го лица единственного числа в виде **ba-di* для женского пола и **ba-da* для мужского пола; 2-го лица в виде **ku-di*, **ku-da* и 3-го лица в виде **ta-di*, **ta-da*; множественное число: 1-е лицо – **ba-na* (мужской класс), **ba-ni* (женский класс); 2-е лицо – **ku-na*, **ku-ni*; 3-е лицо – **ta-na*, **ta-ni*.

В протоенисейском, отмечает автор, личные местоимения не были единообразными. Для 3-го лица «был использован показатель 's' (сущий), сочетаемый в енисейских языках с морфемой 'i', которая выражает идею бытия или состояния, т. е. 'si', в метатезе 'is'. Ср.: лат. *is*, гот. *is*, нем. *er*, он'» [13, с. 114–118], ср.: кет. *es* 'бог'.

Приведем еще примеры функционирования первичных дейктических частиц в кетском языке:

-bi – аффикс предикативности притяжательных местоимений, например: *bu:t di*[?] 'ее шапка' – *di*[?] *bu:tbi* 'шапка ее'; *abbi* 'мой', *ugbi* 'твой', *budabi* 'его', *ltnabi* 'наш', *lkŋbi* 'ваш', *buŋnabi* 'их';

ba – глагольный показатель 1-го лица (группа **B**);

ki 'этот' – указательное местоимение;

ku – глагольный показатель 2-го лица (группы **B** и **D**);

qa 'тот' – указательное местоимение;

tu 'этот, тот' – указательное местоимение;

ta – локальный уточнитель в глаголе, ср.: *sak-ta-ptet*

'затаптывай';

di – падежный показатель родительного падежа женского класса, глагольный показатель 1-го лица и 3-го лица мужского класса (группа *D*): *amdi* 'матери'-родительный падеж; *di-b-tet* 'я-это-толку', *di-b-l'al* 'он-болтает';

du – предикативный аффикс 3-го лица мужского класса: *hitejdu* 'он способный', *tumdu* 'он черный';

da – предикативный и глагольный аффикс 3-го лица женского класса : *tingil'da* 'она высокая', *da-l'okŋ* 'она-трясется', показатель родительного падежа мужского класса: *obda* 'отца';

na – суффикс множественного числа указательных местоимений: *kina* 'эти', *tuna* 'эти, те', *kana* 'те';

si – суффикс предикативности, безразличный к лицу и роду: югск. *a:tkupsi* 'остроконечный' (*a:t kup* 'острый конец');

ab – притяжательное местоимение 'мой';

- **es'/-as', -il', -s'a** – деривационные аффиксы кетских наречий;

s'a – частица будущего времени

uk 'твой', **ad** 'я'; **ti** 'черпать'; **ki** 'скоблить'; **ul'** 'вода'; **ko?** 'лед'; **am** 'мать'; **as'** 'перо'; **?at** 'кость', **e:s'** 'бог, небо'; **qa** 'внутри'; **i:l'** 'песня'; **da** 'жить'; **xa** 'прямо' и т. д.

Наличие в енисейских языках почти всех выше приведенных дейктических частиц с лексическим или грамматическим значением, кроме тех, которые мы пометили звездочкой дает возможность предположить, что они все имелись в енисейском праязыке и употреблялись по типу эскимосских указательных местоимений, точно определяя местонахождение денотата по отношению к говорящему.

Совершенно прав, на наш взгляд, Д. М. Сегал, заметивший: «В глаголе же зачастую невозможно выделить корневую морфему вследствие ее 'размывания'... С этим связана и чудовищная 'омонимия' глагольных основ, когда одна и та же гласная является носителем самых разных лексических значений, а также является морфологическим формантом... Возможно, в кетском глаголе лексическое и реляционное значение передается собственно сегментом и тем местом в 'обойме' глагольного слова, куда данный сегмент помещается» [16, с. 31–32], ср. также семантическое толкование комбинаторики кетских морфем в простом глаголе у Т. А. Кабановой [12, с. 78–80].

Классные показатели явились в праенисейском мощным словообразующим средством. Первичные основы, состоявшие из одной гласной (**a/o**, **i/e**, **u**), стали иметь двухфонемный состав, как это было указано выше (типа: **a + d > ad**). А двухфонемные основы приобрели третью фонему (типа: **ba + m > bam**). Но наряду с

новыми типами основ продолжали существовать и старые (например: кет. *i* 'солнце', *am* 'мать', *ba:* 'кулик'). Они получили определенное лексическое значение: имен предметных, имен действия, личных местоимений 1-го и 2-го лица, многочисленных указательных местоимений - наречий, как в эскимосском языке (см. выше). Последние, в зависимости от их места в предложении, выполняли локативную и предикативную функцию, давая информацию о месте нахождения и состоянии субъекта

Общеенисейский язык при классном строе распадается на диалекты, давшие в дальнейшем различные енисейские языки: аринский, ассанский, пумпокольский, коттский, югский, кетский. И хотя в них сохраняются единые принципы развития (в грамматическом плане), в лексике же каждый диалект отбирает свои значения первичных основ и классных показателей. «Первоначальное широкое семантическое значение показателей открыло дорогу для произвольного их использования различными диалектами» [14, с. 299]. Наличие в языке множества дейктических слов доказывается полным различием в составе указательных местоимений в засвидетельствованных енисейских языках. Так, кетским указательным местоимениям *ki*, *tu*, *qa* соответствуют коттские указательные местоимения *in'u*, *in'a* 'этот, эта' и *ujo*, *un'a* 'тот, та'.

Большую роль при классном строе должны были играть дейктические частицы, выполнявшие функцию личного местоимения 1-го лица. Говорящий, сообщая о предметах и действиях относительно себя, уточнял место нахождения денотата (близко, далеко, вверху, внизу, здесь, там и т. п.); принадлежность его (денотата) говорящему, собеседнику или 3-му лицу. Соответственно этим двум значениям вырабатываются две формы личного местоимения 'я': **a-di* и **a-ba* (уже в отдельных кетском и югском языках).

Возможно, этих форм было больше по количеству дейксисов: **a-di*, **a-du*, **a-da* (здесь – посередине – там) и **a-ba*, **a-bi*, **a-bu* (что может быть связано с отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежностью).

Наличие нескольких показателей для одного и того же класса свидетельствует о том, что в нынешних классах – мужском, женском и вещном – совпали исторически самые различные семантические группы, характеризовавшиеся другим набором дифференцирующих признаков. Совпадение показателей женского и вещного классов в группе **B** позволяет предполагать, что исторически вещный класс вообще не отражался показателями группы **B**. И соответствующие действия могли соотноситься только с одушевленными или

социально значимыми актантами.

Показатели группы **D** отражают те же классы, что и показатели группы **B**, но в отличие от них, показатели группы **D** четко выражают вещный класс, фактически отсутствующий в рядах показателей группы **B**.

Таким образом, для енисейских языков восстанавливается при классном строе такое состояние, когда все звуки имели классную семантику. Классные аффиксы получал не только глагол, но и имя, которые были синкретичны при нейтральном строе, а при классном строе грамматический класс отдельного слова определялся синтаксическим контекстом. Эти слова имели структуру **CV** или **VC** в метатезе.

Первичные енисейские глагольные словоформы выражали оппозицию «женский / неженский» – показатели **a/i, u** (см. глагол «говорить») – при классном и раннеактивном строе и оппозицию «мужской / немужской» – показатели **a, o/i, u** – при активном строе.

Выводы. Представленный енисейский материал, учитывая архаичность строя этих языков, позволяет, на наш взгляд, судить о прагматике первобытного языка.

Большую роль играли дейктические частицы. Они уточняли место нахождения денотата (близко, далеко, вверху, внизу, здесь, там и т. п.). Непосредственными дейксисами служили при этом гласные **i, u, a**, в то время как согласные, сочетаясь с дейксисами, выражали класс денотата. Значимо было место согласного: перед гласным или после него. Не было гендерных различий.

Литература

1. Иванов Вяч. Всев. Ю. Курилович / Иванов Вяч. Всев. // Вопросы языкознания. – 1978. – № 5. – С. 169–172.
2. Арутюнова Н. Д. Прагматика / Арутюнова Н. Д. // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : «Советская энциклопедия», 1990. – С. 389–390.
3. Гречко В. А. Теория языкознания : учеб. пособие / В. А. Гречко. – М. : Высш. шк., 2003. – 375 с.
4. Потебня А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня. – Харьков, 1913. – 225 с.
5. Климов Г. А. Типология языков активного строя / Г. А. Климов. – М. : Наука, 1977. – 320 с.
6. Гухман М. М. О стадильности в развитии строя индоевропейских языков / М. М. Гухман // Известия АН СССР, ОЛЯ. – 1947. – № 2. – С. 101–114.
7. Поленова Г. Т. Происхождение грамматических категорий глагола (на материале енисейских языков) / Г. Т. Поленова. – Таганрог : ТГПИ, 2002. – 202 с.
8. Castrèn M. A. Versuch einer Jenissei-Ostjakischen und kottischen Sprachlehre nebst Wörterverzeichnissen aus den genannten Sprachen / Castrèn M. A. – Spb., 1858. – 125 с.
9. Bouda Karl. Die Sprache der Jenissejer. Genealogische und morphologische Untersuchungen / Bouda Karl // Anthropos. – 1957. – Vol. 52. –

№ 1–2. – С. 65–134.

10. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление / С. Д. Кацнельсон. – Л. : Наука, 1972. – 213 с.

11. Werner H. Zur Typologie der Jenissej-Sprachen / Werner H. – Harrassowitz Verlag. Wiesbaden, 1995. – 200 с.

12. Кабанова Т. А. О семантической структуре кетских предикативов / Т. А. Кабанова // Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур. Преподавание национальных языков. – Томск, 2000. – Ч. III. – С. 275–300.

13. Дульзон А. П. Общность глагольных форм индоевропейских языков с урало-алтайскими / А. П. Дульзон // Учёные записки № 75. Вопросы лингвистики. – Томск, 1969. – Вып. 2. – С. 110–139.

14. Блок Х. П. Локадизм и дейксис в языках банту / Х. П. Блок // Африканское языкознание. – М., 1963. – С. 183–199.

15. Живова (Поленова) Г. Т. Местоимения в кетском языке (сравнительно-типологическое исследование местоимений кетского языка в сопоставлении с местоимениями других языков) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Г. Т. Живова. – Л., 1978. – 18 с.

16. Сегал Д. М. Фонология кетского языка / Д. М. Сегал // Кетский сборник. Лингвистика. – М. : Наука, 1968. – С. 26–74.

Бурмистрович Ю.

– доктор филологических наук, профессор Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова, главный научный сотрудник научно-образовательного центра «Проблемы эффективной коммуникации»

УДК 811.16-112+811.16-342.6

**ЧТО БЫЛО ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ ПРИЧИНОЙ
ПЕРВЫХ ПРАСЛАВЯНСКИХ ФОНЕТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ?**

В статье рассмотрены актуальные вопросы исторической фонологии восточнославянских языков. Доказано, что причиной первых фонетических изменений в праславянском языке была появившаяся в самом конце протославянской эпохи диезность гласных. Невозможность сочетания диезных и бемольных звуков стала причиной возникновения ряда фонетических и фонематических законов, направленных на разрешение противоречия и приведших в конечном итоге к изменению фонологической системы праславянского языка в целом.

Ключевые слова: праславянский язык, фонетический закон, фонематический закон, диезность, бемольность.

Бурмистрович Ю.

– доктор філологічних наук, професор Хакаського державного університету імені Н. Ф. Катанова, головний науковий співробітник науково-освітнього центру «Проблеми ефективної комунікації»

У статті розглянуто актуальні питання історичної фонології східнослов'янських мов. Доведено, що причиною перших фонетичних змін у праслов'янській мові була дієзність голосних, яка виникла наприкінці протослов'янської епохи. Неможливість поєднання дієзних та бемольних